

**«РАСЦВЕТ И СБЛИЖЕНИЕ»
НАЦИЙ В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ СОВЕТСКОГО
КАВКАЗОВЕДЕНИЯ**

З.В. Канукова

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 21-09-43116 «Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики СССР»

В статье рассматриваются различные интерпретации ленинского положения о двух исторических тенденциях в национальном вопросе, представленные в северокавказском сегменте советской историографии. Противоречивость этого положения влекла за собой непоследовательность в национальной политике и ее научном сопровождении. Первая тенденция – расцвет наций, реализованная в первые годы советской власти политикой «коренизации», – стимулировала развитие этнодифференцирующих характеристик народов региона, что плохо сочеталось с объявленной задачей сближения и слияния наций. Свертывание этой политики в ходе кампании «борьбы с буржуазным национализмом» поставило перед гуманитарной наукой непростую задачу совмещения ленинских установок об «особой осторожности в отношении к национальному чувству» и форсирования идеи слияния наций. В статье рассматривается, как на разных этапах советской истории это ленинское положение порождало противоречивые научные интерпретации, далекие от реального состояния межнациональных отношений. Выявлены изменения в тональности лозунговой политики с середины 1950-х гг., ее влияние на научные исследования, авторы которых по-прежнему были вынуждены «примирять» ленинские «две тенденции», зачастую используя один набор стандартных утверждений и фактов. Особое внимание уделено межнациональному конфликту в г. Орджоникидзе в 1981 г. и его последствиям для общественно-политической жизни и гуманитарной науки в регионе. Отмечено, что растерявшиеся идеологи пытались объяснить конфликт нарушением ленинских принципов национальной политики, по-прежнему считая их «верным компасом». К концу советской истории в одних научных исследованиях интерпретировались новые партийные установки, в других признавалось отсутствие реального равноправия между нациями; появились смелые попытки объяснения этнического «ренессанса» ответом на такие вызовы как вытеснение родных языков, борьба с обычаями и традициями. К причинам неготовности власти и науки к вызовам наступившей эпохи межнациональных конфликтов отнесено отсутствие научно-теоретической разработанности проблемы как следствие тотального негативного давления на гуманитарную науку.

Ключевые слова: Северный Кавказ, национальная политика, историография, «расцвет и сближение» наций

В северокавказском сегменте советской историографии приоритетные позиции в национальном вопросе занимали различные интерпретации ленинского постулата о двух исторических тенденциях. Первая фиксировала

развитие национальной культуры, вторая – межнациональную интеграцию в экономике, политике, науке и стирание национальных перегородок. «Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к

своему превращению в социалистическое общество капитализм», – считал В.И. Ленин [1, 124]. Противоречивость этого теоретического положения влекла за собой крайнюю непоследовательность как национальной политики, так и ее научного сопровождения.

С конца 1920-х гг. в национальном вопросе преобладала политика «коренизации», в рамках которой на территориях союзных и автономных республик формировались различные национальные структуры: районы, сельсоветы, партсекции и пр. Эти процессы активно протекали и на Северном Кавказе, где открывались национальные школы, на языках местных народов издавалась учебная и художественная литература, печатались газеты и журналы, велось делопроизводство, широко привлекались в местные органы власти национальные кадры.

Характеризуя условия работы в Терской области в первые годы советской власти, председатель облисполкома В. Квиркелия писал В.И. Ленину, что «действовать здесь по известному трафарету, мерить, так сказать, коммунистическим аршином прямолинейно и без каких-либо отклонений и компромиссов, не обдумывая каждый шаг и не приспособляясь к каждому изгибу национально-бытовых пережитков отсталых горских масс, не приравниваясь к их культурно-экономическому уровню, национально-религиозным предрассудкам и прочее, это значит не успокаивать и привлекать массы на свою сторону, а пугать и настраивать всех против Советской власти» [2, 1].

Очевидно, такие послы с окраин страны подтверждали правильность политики «коренизации», которая стимулировала развитие национальной культуры. Но актуализация этнодифференцирующих характеристик народов региона плохо сочеталась с провозглашенной задачей сближения наций.

В начале 1930-х гг. политика «коренизации» была свернута в ходе кампании «борьбы с буржуазным национализмом». Вместе со сменой парадигмы национальной политики перед учеными были поставлены задачи дальнейшей разработки актуальных теоретических и практических проблем развития наций и национальных отношений. К числу приоритетных вопросов были отнесены экономические основы сближения наций и народностей, соотношение общего и особенного в их социально-политическом и культурном развитии, проблемы расцвета и сближения социалистических национальных культур, социально-психологические факторы дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества народов СССР и т.д.

Анализу двух тенденций было дано немало оценок, включая совершенно противоположные мнения. Основной подход заключался в сравнении этих тенденций при капитализме и в условиях советского политического режима. Разница виделась в отсутствии равноправия между большими и малыми нациями, национальном гнете, разжигании национальной розни, присущими буржуазной идеологии.

Свою лепту в разработку этих проблем внесла и региональная гуманитарная наука, которая рассматривала специфику этих тенденций не только на Кавказе. В частности, активно обсуждалась идея несовместимости ленинского положения о двух тенденциях с развитием национально-культурной составляющей, высказанная в публикациях П.М. Рогачева и М.А. Свердлина (см., например: [3]). Так, Б. Саламов утверждал, что В.И. Ленин имел в виду создание необходимой социально-психологической атмосферы для всемерного укрепления дружбы и сотрудничества наций и народностей, но никак не развитие их особенностей: «Если всесторонне развивать отличительные черты социалистических наций, их особенности, то не приведет ли это к

утрате первой тенденцией ее прогрессивного характера?» [2, 11].

В ходе многочисленных дискуссий высказывались разные мнения: о преобладании второй тенденции, о недопустимости противопоставления «расцвета» и «сближения», о необходимости развивать в рамках «расцвета» только лучшие образцы национальной культуры, и наконец, об абсолютном единстве и всего лишь относительном различии обеих тенденций.

Многие исследователи утверждали, что в экономике, политике и идеологии в период развитого социализма не может быть национальных особенностей. Наличие таковых признавалось только в таких областях национальной культуры, как художественное творчество, язык, семья и национальная психология. «Можно было бы, конечно, вопреки здравому смыслу отрицать вообще развитие национально-особенного при социализме, но лучше... вести речь о расцвете положительных особенностей национальной культуры», – рассуждали философы [2, 13].

Вторая из двух ленинских исторических тенденций в национальном вопросе была обозначена как «сближение наций» и предполагала укрепление единой экономики, идейно-политической жизни, социально-классовой однородности, единого духовного облика народа, единой культуры. Соответственно, перед учеными ставилась задача обоснования приоритета общих закономерностей и критика попыток преувеличения национального своеобразия, которое мешало сближению наций.

Часть ученых признавала, что «национальное формообразующее начало» складывалось веками, обладает большой консервативностью и устойчивостью, лежит в основе этнического самосознания и «психического склада» каждого народа [4, 31]. Другие среди причин сохранения национальных особенностей выделяли высокий процент национальной однород-

ности населения на исконных территориях, низкий уровень грамотности горских народов, наличие социально-психологического фактора – сохранение в обыденном сознании значительной части людей обиды на русских как на угнетавшую в прошлом нацию, значительное негативное влияние клерикальной идеологии. К числу причин была отнесена и сама Октябрьская революция с последовавшей за ней политикой коренизации: «раскованное национальное чувство получило простор для взлета и с этим нельзя было не считаться» [2, 25].

Необходимость ориентироваться на установки Ленина об «особой осторожности в отношении к национальному чувству угнетенных наций», о содействии «развитию языка, литературы трудящихся масс угнетавшихся ранее наций для устранения всех следов унаследованного от эпохи капитализма недоверия и отчуждения» [5, 111] и одновременном «продвижении» идеи о слиянии наций привела к весьма противоречивым научным интерпретациям.

Так, миграционные передвижения 1920-1930-х гг., направленные на воссоединение отдельных этнических групп со своим народом, воспринимались как националистические проявления. В частности, таковыми объявлялись переселение в 1927 г. 200 семейств калмыков, издавна проживавших на Тереке, в Калмыцкую автономную область; жителей адыгейского селения Суворово-Черкесского – в Адыгейскую автономную область; около 50% кабардинцев, проживавших в Моздоке, – в Кабарду; около 200 семей черкесов – на исконную черкесскую территорию [2, 25-26]. Таких фактов было очень много. Тщетной попыткой восстановить давно утраченную этническую общность было названо и желание армавирских армян обучать своих детей армянскому языку [6, 331].

Много лет ученые не поднимали и проблемы межнациональных противоре-

чий. Опыт межэтнического взаимодействия на Северном Кавказе представлялся исключительно позитивным, и это вполне соответствовало исторической реальности традиционных обществ, в которой существовали тесные взаимовыгодные хозяйственные связи, добрососедские отношения, закрепленные межэтническими браками и такими формами искусственного родства, как побратимство, куначество, аталычество и пр. Однако эта сложная система с хорошо развитыми миротворческими практиками была создана социальными элитами народов региона [7], которые были реальными участниками межэтнического общения, имея для его реализации материальные ресурсы, социальный статус и связи, унаследованные от старших поколений. Уничтожение этнических элит практически разрушило саму эту систему.

Горская Автономная советская республика, основанная в 1921 г., вместо разрушенной традиционной модели межэтнического общения предложила императивную формулу, озвученную Учредительным съездом Советов Горской АССР: «Отныне раз и навсегда уничтожаются и отмирают межнациональные неприязненные отношения в центре Кавказа. Все трудящиеся ГАССР – сотрудники и соратники по борьбе...» [8]

При этом совершенно игнорировались реальные проблемы. Главным фактором межэтнических споров была острая нехватка земли, поэтому от новой власти люди требовали возвращения территорий, отданных российским правительством казакам. Поскольку многие представители терского и кубанского казачества, получившие большую часть земель, поддержали белогвардейское движение, требование крестьян было удовлетворено.

Распад Горской АССР положил начало территориальным претензиям между образовавшимися национальными автономиями, которые, впрочем, не представ-

ляли интереса ни для власти, ни для науки. Исключением был вопрос горско-казачьего противостояния, но он представлялся этнически обезличенным.

Серьезной причиной будущих, в том числе некоторых современных, межнациональных конфликтов были административно-территориальные преобразования в регионе. Но к этому времени национальный вопрос в стране был признан решенным, цепи «национального гнета» разрушенными, социализм – торжествующим, нации и народности – расцветающими и по-ленински дружными.

В феврале 1944 г. чеченцы, ингуши, балкарцы и некоторые другие народы региона были насильственно депортированы в Казахстан и Среднюю Азию за сотрудничество с фашистами. Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована, часть ее районов отошла к Дагестану, Грузии и Северной Осетии. На освобожденные земли завозили переселенцев из близлежащих регионов, нередко против их воли. После реабилитации депортированных народов в 1957 г. республика была восстановлена, в ее состав были включены три новых района, ранее принадлежавшие Ставропольскому краю. Но эти мероприятия не помогли избежать напряжения в отношениях между осетинами и ингушами, чеченцами-аккинцами и аварцами-алмакцами, обострения отношений между кабардинцами и балкарцами, карачаевцами и казаками. В частности, ингуши ставили вопрос о возвращении им Пригородного района Северо-Осетинской АССР, где тогда же произошли первые межэтнические столкновения между осетинами и вернувшимися из казахстанской ссылки ингушами. С тех пор в данном районе столкновения происходило постоянно, но власти не видели в этом проблему.

Не заинтересовала эта история и ученых. Работы, написанные в послевоенное время, имели скорее идеологический характер, чем научный. Задача анализа ре-

альных событий и процессов в области национальных отношений, очевидно, не ставилась; содержательная часть сводилась к восхвалению политики партии и ее вождя.

С середины 1950-х гг. намечается некоторый перелом, связанный с разоблачением политики Сталина и депортации целых народов. В научный оборот вводятся малоизвестные архивные и другие документы, что является несомненным достоинством проведенных исследований. Однако в них нет (и не могло быть в то время) глубокого анализа межнациональных отношений. По сути, все работы констатировали отсутствие в стране национального вопроса и укрепление дружбы народов, зачастую используя один набор стандартных утверждений и фактов [9; 10]. Очередной XXII съезд КПСС в 1961 г. объявил о новом этапе в развитии национальных отношений в СССР: дальнейшем сближении наций и достижении их полного единства [11, 405]. Сегодня многие критикуют принятую съездом Программу КПСС как «двурушную оценку» происходящих событий и откровенную демагогию [12, 17-18].

Однако сразу после съезда отмечена наибольшая активность в историографии «национального вопроса», появилось большое число монографий и научных статей, посвященных «мудрой» национальной политике партии и ленинской дружбе народов [13; 14; 15; 16]. По-прежнему были табуированы попытки критического анализа политики советской власти – как в первые годы ее установления, так и в последующие периоды.

Приоритетной оставалась проблема расцвета и сближения наций в ее различных интерпретациях, включавших идеи «объективного» характера их слияния, «естественного» отмирания национальных различий и особенностей. Идеологи убеждали сами себя и общественность в том, что завет Ленина создать «образец национального мира, невиданного при

буржуазии и невозможного в буржуазном строе» [17, 198] стал реальностью, приводили убедительные доводы о «выдающихся достижениях» в развитии экономики и культуры Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана и других советских республик. Эти успехи позиционировались как торжество ленинской национальной политики, поскольку все коллективы предприятий в регионе были многонациональными; они также использовались в опровержении вымыслов буржуазной пропаганды об ущемлении интересов малых народов, их культуры, языка, обычаев [18, 6].

Однако «мудрой национальной политике» пришлось столкнуться с реальностью. Порожденной ею конфликт осетин с ингушами все настойчивее напоминал о себе межнациональными столкновениями. В течение 1979-1981 гг. произошло около 20 жестоких убийств осетинских таксистов. Очередным стало убийство 28-летнего таксиста в с. Плиево Назрановского района Чечено-Ингушетии в октябре 1981 года, которое привело к мощному протесту в городе Орджоникидзе (Владикавказ). Это был первый межнациональный конфликт на территории СССР. Траурная процессия перенесла гроб с телом молодого человека на площадь перед Северо-Осетинским обкомом партии. Многолюдный митинг предъявил руководству республики обвинения в безнаказанности череды убийств, попустительстве беззаконию и коррупции. Руководство республики обратилось в ЦК, из Москвы прибыли председатель Совета Министров РСФСР Михаил Соломенцев, ряд генералов МВД во главе с Юрием Чурбановым и заместитель Генерального прокурора СССР Н.А. Баженов. Разгон митингующих был крайне жестоким, с применением бронетранспортеров, слезоточивого газа, солдатских дубинок; Тбилисский полк и солдаты внутренних войск три дня разгоняли восстание, из-

бивали людей, было много раненых и задержанных, которым инкриминировали разжигание межнациональной вражды и активное участие в массовых беспорядках [19].

Причину конфликта ЦК КПСС увидел в серьезных недостатках в интернациональном воспитании. V пленум Северо-Осетинского обкома КПСС в 1982 г. также признал, что работа по идейно-политическому и интернациональному воспитанию трудящихся республики нередко проводилась формально, в отрыве от жизни, от задач хозяйственного и культурного строительства, что привело к крупным недостаткам – проявлениям национализма, нарушениям общественного порядка, еще и к «пьянству, хулиганству и спекуляции» [20].

V и VI пленумы Северо-Осетинского обкома КПСС ставили задачу разработки практических мер по устранению выявленных недостатков, коренному улучшению интернационального воспитания трудящихся, особенно молодежи. При Северо-Осетинском обкоме КПСС был создан «Совет общественного мнения» с проблемными секциями по вопросам идеологической и политико-воспитательной работы, интернационального и атеистического воспитания. Вскоре появилось обращение передовиков производства, деятелей науки, литературы и искусства «Крепить нашу дружбу и братство», в котором содержались призывы к преумножению успехов в коммунистическом строительстве, в воспитании нового человека, к борьбе против пережитков прошлого, против попыток западной пропаганды разжечь националистические предрассудки [21]. Во всех республиканских и районных СМИ появились передачи и рубрики о вреде националистических и религиозных предрассудков и глубоких корнях дружбы народов, особенно осетинского и ингушского. Был разработан совместный план мероприятий Северо-Осетинского и Чечено-Ин-

гушского обкомов КПСС по усилению идейно-политического, интернационального и атеистического воспитания. Ученых и партийных деятелей направляли на встречи с многочисленными коллективами; проблемами интернационального воспитания были охвачены все средства массовой информации, учреждения культуры.

В 1982 г. Ю.В. Андропов в докладе на торжественном заседании, посвященном 60-летию образования СССР, впервые признал, что успехи в решении национального вопроса отнюдь не означают, «что исчезли все проблемы, которые порождает сам факт жизни и труда в рамках единого государства множества наций и народностей. Такое вряд ли возможно, пока существуют нации, пока есть национальные различия. А они будут существовать долго, много дольше, чем различия классовые» [22, 10].

XXVI съезд КПСС установил курс на наращивание материального и духовного потенциала каждой республики и вместе с тем его максимальное использование для гармоничного развития всей страны; важной задачей идеологической работы было объявлено формирование у всех советских людей правильного понимания неразрывного единства национальных интересов с интересами всего советского народа [23, 55]. Съезд также указал на необходимость чуткого отношения к удовлетворению специфических запросов граждан некоторых национальностей в области языка, культуры и быта. Ю.В. Андропов призывал всеми средствами идейного воздействия добиваться того, «чтобы естественная гордость за достигнутые успехи не превращалась в национальную кичливость или зазнайство, не порождала тенденции к обособленности, неуважительного отношения к другим нациям и народностям» [23, 13].

Что предлагал Андропов? Вновь пропаганду, но в усовершенствованной фор-

ме: «Свежесть мысли и слова – вот путь к совершенствованию всей нашей пропаганды, которая всегда должна быть правдивой и реалистичной, а также интересной, доходчивой, а значит, и более действенной»; особо вредными признавались «шаблон, серость, словесная трескотня» [23, 15].

Идеологи на местах вслед за Андроповым предупреждали, что успехи в экономике и культуре одной республики не должны становиться предметом узконациональной гордости и приводить к иллюзии исключительности своей нации. Пытаясь объяснить события ноября 1981 года, они уверяли, что в стране нет социальной, классовой базы для националистических проявлений, но рецидивы «буржуазного национализма» еще дают о себе знать. «Факты показывают, в том числе и в нашей республике, что преувеличенное или извращенное проявление национальных чувств, национальный эгоизм, национальная неприязнь и кичливость – явления живучие. И было бы неправильно объяснять эти негативные явления только пережитками прошлого. Порой их питают наши собственные просчеты и недостатки в работе. Нередко националистические пережитки маскируются под истинно национальное: под национальную политику, национальные традиции, патриотизм» [18, 5].

Работники местных обкомов признавали, что неправильно преувеличивать достигнутые в результате «действенных» мер результаты, что для воспитания нового человека недостаточно лекций и бесед, необходим комплекс организационно-партийных и идеологических мер. В частности, ставился вопрос о представительстве в партийных и государственных органах всех наций и народностей республик, ставших многонациональными в ходе расширения и упрочения всесторонних экономических и культурных связей между ними [19, 4].

Но главной задачей объявлялось интернациональное воспитание. Одной из новых, действенных форм воспитания молодежи провозглашались Клубы интернациональной дружбы (КИД). В Осетии насчитывалось 256 таких клубов. Перед учеными также ставилась задача интернационального воспитания. С целью искоренения национальной «кичливости», идеологи Северо-Осетинского обкома партии постановили, что история осетин начинается с 1917 г., а страницы древней и средневековой истории следует придать забвению; авторов фундаментальных трудов по истории скифов и алан, в том числе профессора В.А. Кузнецова, обвинили в осетинском национализме. В республиканском издательстве был остановлен выпуск «вредных» книг, но ускоренными темпами публиковались «правильные» научные труды, посвященные проблемам соотношения национального и интернационального, этническим основам интернационального воспитания.

Следует признать, что наряду с пропагандистскими работами – комментариями материалов съездов КПСС, издавались и исторические труды, посвященные анализу исторического опыта межэтнического общения, этнокультурным связям и взаимовлияниям народов Кавказа. Так, уже в 1982 г. вышла работа А.Х. Магометова «Этнические и культурные связи алан-осетин и ингушей», где исследовано взаимодействие двух народов в хозяйственно-экономической и культурной жизни на протяжении столетий [24]. Конечно, упоминаний о событиях 1981 года в книге нет, а последняя страница посвящена роли партии в укреплении дружбы народов. Но многочисленные факты родственных и дружеских связей, межэтнических браков, сходства традиций и обычаев, форм материальной культуры гораздо действеннее работали на поставленную задачу, чем многочислен-

ные труды по интернациональному воспитанию.

Многие исследователи обращали внимание на тесную связь религиозных и национальных «пережитков», поэтому интернациональное воспитание совмещалось и атеистическим. Высказывалось мнение об интернационализме как мощном факторе борьбы с религиозными предрассудками. Религия объявлялась разновидностью чуждой идеологии, а идеологические центры империализма – рассадниками религиозности для антисоветской националистической пропаганды. Если А.Г. Кучиев допускал некоторую условность в тесной взаимосвязи этих двух понятий, полагая, что верующий человек вполне может быть интернационалистом [18,15-16], то С.Т. Меликов был убежден в том, что верующий человек всегда будет отстаивать свою религию, не станет сближаться с «неверными», а при необходимости будет враждовать с ними [25, 51]. Х.В. Дзугцев также считал, что сущность религиозной идеологии в немалой степени проявляется в разъединении и противопоставлении людей по религиозному признаку, особенно обвиняя ислам, по которому, якобы, «не только атеист, но даже иноверец по сути дела враг» [26, 77].

К 1983 г. на территории республики действовали 17 зарегистрированных религиозных объединений. Кроме этого, нелегально действовали группы баптистов и иеговистов. Советские работники критически подходили к научно-атеистической пропаганде за ее эпизодичность, отсутствие должной настойчивости, принципиальности, системности и планомерности, без учета национальной принадлежности верующих, их возрастных категорий. Они требовали разработки и реализации комплексных планов научно-атеистического воспитания, которые должны были охватывать все возрастные группы, включая пенсионеров и

домохозяек, рабочие коллективы, соседские сообщества. Партийные и комсомольские организации, идеологические учреждения республики призывались к участию в политпросвещении, к образовательному процессу в университетах марксизма-ленинизма, народных университетах культуры.

На VIII пленуме Северо-Осетинского обкома КПСС подверглись критике ученые за слабое участие в интернациональном и атеистическом воспитании трудящихся. Ученых «посчитали» и выявили, что «из 1200 научных работников только 20 человек выступают с лекциями по научному атеизму и 32 человека – по вопросам дружбы народов». За недостаточную активность досталось и организациям общества «Знание». Перед исследователями ставилась задача проведения социологических исследований по вопросам религиозной ситуации и выработки рекомендаций по повышению эффективности атеистического воспитания [18, 17]. Такими исследованиями вскоре были охвачены все регионы страны. Одной из первых к ним подключилась Северная Осетия, где еще с середины 1970-х гг. стали проводиться массовые опросы населения совместно с Институтом этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая и Северо-Осетинским НИИ под руководством В.К. Гарданова.

К числу «болевых» точек, негативно влияющих на межнациональные отношения в рабочих коллективах, авторы отнесли недовольство своей профессиональной деятельностью, неудовлетворенность социально-бытовыми условиями. Задачи интернационального воспитания тесно связывали с необходимостью кардинального улучшения ситуации в торговле, жилищном строительстве и коммунально-бытовом обслуживании, в условиях труда, в доступности повышения квалификации. Социологи также писали, что у опрошенных жителей Владикавказа

за есть друзья другой национальности; у 40% осетин и у 50% русских ближайшие друзья – иной национальности [26, 75]. Вывод о характере межнациональных отношений сводился к тезису об интенсивности постоянных контактов в производственном коллективе как гарантии оптимизации интернационального воспитания.

Несмотря на официальное признание проблем в национальном вопросе, проявленную активность и настойчивость, привлечение всех возможных ресурсов к его решению, надо признать, что этот подход был поверхностным; по-прежнему не ставилась задача глубокого анализа межэтнических отношений в регионе. Трудно не согласиться с мнением председателя Верховного совета Республики Северная Осетия А.Х. Галазова о том, что октябрь 1981 года явился предвестником кровавых событий октября-ноября 1992 года: «Если бы тогда была дана верная оценка происшедшему и приняты соответствующие ей меры, сегодня нам не пришлось бы расплачиваться такой дорогой ценой, – заявил Галазов через 11 лет после событий ноября 1981 года, когда этот глубоко укоренившийся конфликт повторился с еще более печальными последствиями и масштабными жертвами [27].

Новый, 1992 года осетино-ингушский конфликт, а еще раньше Алма-атинские события 1896 года, события в Нагорном Карабахе, Тбилиси, Фергане стали вызовом для исторической науки. Растерявшиеся идеологи пытались объяснить их нарушением ленинских принципов национальной политики, по-прежнему считая их «верным компасом».

К.И. Гостиев признавал «Мы, по существу, расплачиваемся сейчас за то, что чересчур долго считали национальный вопрос решенным, а национальные отношения идеально ясными и ровными, позволяющими без оглядки и сомнений громко с любой трибуны провозглашать

«Да здравствует нерушимая дружба между народами!» [28, 46]

В научный дискурс вновь попала ленинская теория двух тенденций в национальном вопросе. Дальнейший расцвет наций по-прежнему считался естественно-историческим процессом, как и их сближение. Но современные ученые считали, что расцвет и сближение наций возможны только при их равноправии, и признавали декларативность последнего. К этому времени никто не сомневался в отсутствии равных прав и возможностей больших и малых народов, союзных республик и небольших автономий. Это и считалось отходом от ленинских принципов. Вспоминалась и нарушенная ленинская установка о недопустимости как привилегий, так и ущемления интересов какой-либо нации. Другое нарушение ленинских принципов виделось в чрезмерном форсировании процесса «слияния» наций, неправильном понимании интернационализма, отставании первой тенденции от второй.

Ученые старшего поколения, убежденные в том, что научно-техническая революция должна стирать национальные отличия и перегородки, недоумевали, откуда взялась «тяга к национально-самобытному», и переживали, как бы она не превратилась в национальное «самомнение» и чувство превосходства над другими [28, 52]. Привычка ориентироваться на установки партии побудила ученых искать ответы на сложные вопросы в материалах XIX Всесоюзной конференции КПСС и проекте Платформы КПСС, в которых был намечен комплекс мер по укреплению страны на основе демократических принципов, но не было искомым ответов на актуальные вопросы. Правда, М.С. Горбачев на конференции признал, что национальная политика нуждается в глубокой научно-теоретической разработке [29, 58].

В одних научных исследованиях интерпретировались новые партийные установки, основанные на все тех же двух

ленинских тенденциях, а все неудачи национальной политики объяснялись отходом от них. В других появлялись более смелые попытки объяснения этнического «ренессанса» ответом на такие вызовы, как вытеснение родных языков, борьба с обычаями и традициями, в том числе с религией. Ответом, который стал возможен в условиях объявленной перестройки и гласности.

Если региональная наука представила интересные исследования по поводу развития национальной жизни с ее «пережитками» и новыми советскими традициями [30; 31], то в дискуссии о двух тенденциях она проявляла скованность, а порой и беспомощность на протяже-

нии всей советской истории. Многочисленность публикаций никак не влияет на такую оценку историографии национального вопроса.

К причинам неготовности власти к вызовам наступившей эпохи кровавых межнациональных конфликтов следует отнести многолетнюю политику замалчивания проблем межнациональных отношений, несопоставимости реальности с постулатами «расцвет» и «сближение», неадекватные оценки межэтнических противоречий, тотальное негативное давление на гуманитарную науку, и как следствие – отсутствие глубокой и объективной научно-теоретической разработанности проблемы.

-
1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Госполитиздат, 1973. Т. 24. 559 с.
  2. Саламов Б.С. Горские народы: расцвет и сближение. Орджоникидзе: Ир, 1975. 299 с.
  3. Рогачев П.М., Свердлин М.А. О преобладающей тенденции развития наций в советской общности // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 26-31.
  4. Акимов А.Х. Осуществление ленинских идей интернационализма на Северном Кавказе. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1970. 105 с.
  5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 38. 572 с.
  6. Волкова Н.Г., Лавров Л.И. Современные этнические процессы // Культура и быт народов Северного Кавказа». М.: Наука, 1968. 348 с.
  7. Марзоев И.Т. Привилегированные сословия Осетии в поликультурном пространстве Кавказа: генеалогические связи и межэтнические коммуникации (XVIII – начало XX века): Автореф. дис. ... докт. ист. н. Нальчик, 2011. 45 с.
  8. Образование Горской АССР. Из истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе. [Электронный ресурс]. URL: <https://textarchive.ru/c-2884265-pall.html>
  9. Аликберов Г.А. Дружба народов – основа свободы и процветания народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. 94 с.
  10. Александров Н.Ф. Чечено-Ингушская областная партийная организация в борьбе за выполнение решений XX съезда КПСС. 1956-1957 гг. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1961. 70 с.
  11. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. 464 с.
  12. Дзидзоев В.Д. Национальная политика СССР, межнациональные отношения и национальные движения на Северном Кавказе. Автореф. дис. ... докт. ист. н. СПб., 1992. 46 с.
  13. Кониев Ю.И. Национально-государственное строительство на Тереке. Орджоникидзе: Ир, 1969. 98 с.

14. Плоды ленинской дружбы. Орджоникидзе: Сев.-Осет. ун-т, 1976. 230 с.
15. Некоторые актуальные вопросы развития национальных отношений в условиях развитого социализма. Орджоникидзе: Сев.-Осет. ун-т, 1977. 138 с.
16. Магидов Ш.Г. Сближение наций, содружество языков. Нальчик: Эльбрус, 1982. 230 с.
17. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. 1970. 552 с.
18. Кучиев А.Г. Некоторые вопросы интернационального и атеистического воспитания: опыт, проблемы // О единстве интернационального и атеистического воспитания. Орджоникидзе: Госкомитет СОАССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 1983. С. 3-21.
19. Северо-Осетинский информационный сайт Ос-Нова.News. [Электронный ресурс]. URL: <http://osnova.news/n/9577>
20. Социалистическая Осетия. 24 декабря 1982 г.
21. Социалистическая Осетия. 27 июля 1982 г.
22. Андронов Ю.В. Шестьдесят лет СССР [1922-1982]. М.: Политиздат, 1982. 30 с.
23. Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1982. 223 с.
24. Магомедов А.Х. Этнические и культурные связи алан-осетин и ингушей. Орджоникидзе: Ир, 1982. 62 с.
25. Меликов С.Т. Из истории борьбы КПСС за преодоление влияния идеологии ислама и укрепление интернациональной дружбы народов Северного Кавказа // О единстве интернационального и атеистического воспитания. Орджоникидзе: Госкомитет СОАССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 1983. С. 51-71.
26. Дзуцев Х.В. Некоторые вопросы интернационального воспитания трудящихся Северной Осетии по данным социологических исследований // О единстве интернационального и атеистического воспитания. Орджоникидзе: Госкомитет СОАССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 1983. С. 72-77.
27. URL: <https://www.km.ru/referats>
28. Гостиев К.И. Народные традиции и обычаи осетин. Пути их совершенствования. Орджоникидзе: Ир, 1990. 223 с.
29. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М.: Политиздат, 1988. 159 с.
30. Канукова З.В., Дзамихов К.Ф. «Пережитки прошлого», «новые традиции» и другие тренды северокавказского сегмент в советской историографии (1960-1980 гг.) // Известия СОИГСИ. 2021. Вып. 42(81). С. 70-81.
31. Гутиева Э.Ш., Цибиров Г.И. Научная и образовательная инфраструктура в Северной Осетии в эпоху ранней советской модернизации (1917 – конец 1920-х гг.) // Kavkaz-Forum. 2022. Вып. 10(17). С. 96-107.

Kanukova, Zalina V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (Vladikavkaz, Russia); z.kanukova@mail.ru

“FLOURISHING AND RAPPROCHEMENT” OF NATIONS IN THE INTERPRETATIONS OF SOVIET CAUCASIAN STUDIES.

Keywords: North Caucasus, national policy, historiography, “flourishing and rapprochement” of nations

The article deals with various interpretations of Lenin's postulate about two historical trends in the national question in the North Caucasian segment of Soviet historiography. The inconsistency of this provision entailed extreme inconsistency, in both national policy and its scientific support. The first trend, the flourishing of nations, implemented in the first years of Soviet power by the policy of "indigenization", stimulated the development of ethno-differentiating characteristics of the peoples of the region, which did not go well with the declared task of rapprochement of nations, up to their complete merger. The curtailment of this policy in the course of the campaign "against bourgeois nationalism" set before the humanities the difficult task of combining Lenin's attitudes about "special care in relation to national feeling" and forcing the idea of merging nations. The article examines how at different stages of Soviet history this Leninist position gave rise to contradictory scientific interpretations, far from the real state of interethnic relations. Changes in the tone of slogan policy since the mid-1950s, its influence on scientific research, the authors of which were still forced to "reconcile" Lenin's "two tendencies", often using one set of standard statements and facts, are revealed. Particular attention is paid to the first interethnic conflict in the USSR in the city of Ordzhonikidze in 1981 and its consequences for socio-political life and humanitarian science in the region. It is noted that confused ideologists tried to explain it by violating the Leninist principles of national policy, still considering them a "faithful compass". Towards the end of Soviet history, some scientific studies interpreted new party attitudes, others recognized the lack of real equality between nations; there were bold attempts to explain the ethnic "renaissance" by responding to such challenges as the displacement of native languages, the struggle against customs and traditions. The reasons for the unpreparedness of the authorities and science for the challenges of the coming era of interethnic conflicts include the lack of scientific and theoretical development of the problem.

References

1. Lenin, V.I. *Poln. sobr. soch* [Complete works]. Moscow, Gospolitizdat, 1973, vol. 24. 559 p.
2. Salamov, B.S. *Gorskie narody: rastsvet i sblizhenie* [Mountain Peoples: Flourishing and Rapprochement]. Ordzhonikidze, Ir, 1975. 299 p.
3. Rogachev, P.M., Sverdlin, M.A. *O preobladayushchei tendentsii razvitiya natsii v sovetskoi obshchnosti* [On the prevailing tendency of development of nations in the Soviet community]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 1969, no. 2, pp. 26-31.
4. Akimov, A.Kh. *Osushchestvlenie leninskikh idei internatsionalizma na Severnom Kavkaze* [Implementation of Lenin's Ideas of Internationalism in the North Caucasus]. Mahachkala, Dag. kn. izd-vo, 1970. 105 p.
5. Lenin, V.I. *Poln. sobr. soch. Izd. 5-e* [Complete works. 5th ed.]. Moscow, Izd-vo polit. lit-ry, 1969, vol. 38. 572 p.
6. Volkova, N.G., Lavrov, L.I. *Sovremennye etnicheskie protsessy* [Modern ethnic processes]. *Kul'tura i byt narodov Severnogo Kavkaza* [Culture and life of the peoples of the North Caucasus]. Moscow, Nauka, 1968. 348 p.
7. Marzoev, I.T. *Privilegirovannye sosloviya Osetii v polikul'turnom prostranstve Kavkaza: genealogicheskie svyazi i mezhetnicheskie kommunikatsii (XVIII – nachalo XX veka)* [Culture and life of the peoples of the North Caucasus: genealogical relations and interethnic communications (XVIII – early XX century)]. Thesis abstract of the doctoral dissertation (in History). Na'chik, 2011. 45 p.
8. *Obrazovanie Gorskoj ASSR. Iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze* [Formation of the Mountain ASSR. From the history of nation-state building in the North Caucasus]. [Electronic resource]. URL: <https://textarchive.ru/c-2884265-pall.html>

9. Alikberov, G.A. *Druzhba narodov – osnova svobody i protsvetaniya narodov Dagestana* [Friendship of peoples is the basis of freedom and prosperity of Dagestan's peoples]. Mahachkala, Dagknigoizdat, 1956. 94 p.
10. Aleksandrov, N.F. *Checheno-Ingushskaya oblastnaya partiinaya organizatsiya v bor'be za vypolnenie reshenii XX s#ezda KPSS. 1956-1957 gg.* [Chechen-Ingush regional party organization in the struggle for the implementation of the decisions of the 20th CPSU Congress. 1956-1957]. Grozny, Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1961. 70 p.
11. *Materialy XXII s#ezda KPSS* [Materials of the 22nd CPSU Congress]. Moscow, Gospolitizdat, 1961. 464 p.
12. Dzidzoev, V.D. *Nacional'naya politika SSSR, mezhnatsional'nye otnosheniya i natsional'nye dvizheniya na Severnom Kavkaze* [National policy of the USSR, interethnic relations and national movements in the North Caucasus]. Thesis abstract of the doctoral dissertation (in History). St. Petersburg, 1992. 46 p.
13. Koniev, Yu.I. *Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo na Tereke* [Nation-state-building in the Terek region]. Ordzhonikidze, Ir, 1969. 98 p.
14. *Plody leninskoj druzhby* [Fruits of Lenin's friendship]. Ordzhonikidze, North Ossetian State University, 1976. 230 p.
15. *Nekotorye aktual'nye voprosy razvitiya natsional'nykh otnoshenii v usloviyakh razvitogo sotsializma* [Some topical issues of the development of national relations under the conditions of developed socialism]. Ordzhonikidze, North Ossetian State University, 1977. 138 p.
16. Magidov, Sh.G. *Sblizhenie natsii, sodruzhestvo yazykov* [Rapprochement of nations, community of languages]. Nalchik, Elbrus, 1982. 230 p.
17. Lenin, V.I. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. 1970, vol. 43. 552 p.
18. Kuchiev, A.G. *Nekotorye voprosy internatsional'nogo i ateisticheskogo vospitaniya: opyt, problemy* [Some issues of international and atheistic education: experience, problems]. *O edinstve internatsional'nogo i ateisticheskogo vospitaniya* [On the unity of international and atheistic education]. Ordzhonikidze, Goskomitet SOASSR po delam izdatel'stva, poligrafii i knizhnoi trgovli, 1983, pp. 3-21.
19. *Severo-Osetinskii informatsionnyi sait Os-Nova.News* [North Ossetian information site Osnova.News]. [Electronic resource]. URL: <http://osnova.news/n/9577>
20. *Sotsialisticheskaya Osetiya* [Socialist Ossetia]. December 24, 1982.
21. *Sotsialisticheskaya Osetiya* [Socialist Ossetia]. July 27, 1982.
22. Andropov, Yu.V. *Shest'desyat let SSSR. 1922-1982* [Sixty years of the USSR. 1922-1982]. Moscow, Politizdat, 1982. 30 p.
23. *Materialy XXVI s#ezda KPSS* [Materials of the 26th CPSU Congress]. Moscow, Politizdat, 1982. 223 p.
24. Magometov, A.Kh. *Etnicheskie i kul'turnye svyazi alan-osetin i ingushei* [Ethnic and cultural ties between Alan-Ossetians and Ingush]. Ordzhonikidze, Ir, 1982. 62 p.
25. Melikov, S.T. *Iz istorii bor'by KPSS za preodolenie vliyaniya ideologii islama i ukreplenie internatsional'noj druzhby narodov Severnogo Kavkaza* [From the history of the struggle of the CPSU to overcome the influence of the ideology of Islam and strengthen the international friendship of the peoples of the North Caucasus]. *O edinstve internatsional'nogo i ateisticheskogo vospitaniya* [On the unity of international and atheistic education]. Ordzhonikidze, Goskomitet SOASSR po delam izdatel'stva, poligrafii i knizhnoi trgovli, 1983, pp. 51-71.
26. Dzutsev, Kh.V. *Nekotorye voprosy internatsional'nogo vospitaniya trudyashchihsya Severnoi Osetii po dannym sotsiologicheskikh issledovaniy* [Some issues of international education of the working people of North Ossetia according to sociological research]. O

edinstve internatsional'nogo i ateisticheskogo vospitaniya [On the Unity of International and Atheistic Education]. Ordzhonikidze, Goskomitet SOASSR po delam izdatel'stva, poligrafii i knizhnoi trgovli, 1983, pp. 72-77.

27. [Electronic resource]. URL: <https://www.km.ru/referats/>

28. Gostiev, K.I. *Narodnye traditsii i obychai osetin. Puti ikh sovershenstvovaniya* [Folk traditions and customs of Ossetians. Ways to improve them]. Ordzhonikidze, Ir, 1990. 223 p.

29. *Materialy XIX Vsesoyuznoi konferentsii KPSS* [Materials of the 19th CPSU All-Union Conference]. Moscow, Politizdat, 1988. 159 p.

30. Kanukova, Z.V., Dzamikhov, K.F. “Perezhitki proshlogo”, “novye traditsii” i drugie trendy severokavkazskogo segmenta v sovetskoj istoriografii (1960-1980 gg.) [“Vestiges of the Past”, “New Traditions” and other trends of the North Caucasian segment in Soviet historiography (1960-1980)]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2021, iss. 42(81), pp. 70-81.

31. Gutieva, E.Sh., Tsibirov, G.I. *Nauchnaya i obrazovatel'naya infrastruktura v Severnoi Osetii v epokhu rannei sovetskoj modernizatsii (1917 – konets 1920-kh gg.)* [Scientific and educational infrastructure in North Ossetia in the era of early Soviet modernization (1917-late 1920s)]. *Kavkaz-Forum* [Kavkaz-Forum]. 2022, iss. 10(17), pp. 96-107.